

О связи московской диалектологической школы
с московской фонологической школой

Своеобразие московской фонологической теории в ряду других фонологических учений известно¹. Но многим представителям московской фонологической школы (МФШ) свойственно убеждение, что московская фонологическая теория не просто одно из направлений в фонологии, но своего рода лингвистическое мировоззрение, которое определяет подход "московских" фонологов к изучению и других областей языка. Эту мысль наиболее явно выразил Р.И.Аванесов, один из основоположников МФШ. В предисловии к сборнику своих работ он писал: "... фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения. Поэтому чем бы ни занимался автор: историей языка, диалектологией, лингвистической географией, лексикологией и лексикографией, не говоря о грамматике и орфографии, — он всегда оставался фонологом или, вернее, ему всегда помогала фонологическая подготовка и, если можно так сказать, фонологическое мышление [Аванесов 1974, 8]. Однако в своих работах, непосредственно не связанных с фонологией, Р.И.Аванесов не акцентирует эту связь и не пользуется фонологической терминологией². Создание общей концепции языка, опирающейся на идеи МФШ, изучение возможностей и особенностей применения ее методов в разных областях языковых исследований — этот круг проблем находится в центре внимания другого выдающегося представителя МФШ — М.В.Панова, и он стремится привлечь к их решению как можно больше лингвистов, разделяющих идеи МФШ.

Отсюда и интерес М.В.Панова к московской диалектологической школе (МДШ), сформировавшейся в процессе работы над диалектологическим атласом русского языка под руководством Р.И.Аванесова. М.В.Панов обратился к диалектологам аванесовской школы с анкетой, целью которой было выявить связь между идеями и методами МДШ и МФШ. Предлагаемая статья является по существу моим ответом на анкету М.В.Панова. Этот ответ ни в коей мере не претендует на полноту и несет на себе печать

моих пристрастий и интересов.

Связь с МЭШ обнаруживается и в самой концепции диалектных различий МДШ и в том, что с позиций московской фонологической теории рассматриваются московскими диалектологами как фонетическая система говоров, так и морфологическая система, поскольку она непосредственно связана с фонетической.

Остановлюсь сначала на общей концепции диалектных различий, принятой МДШ. Напомню, что в основе этой концепции лежит предложенное Р.И.Аванесовым понятие диалектного языка как системы систем, по отношению к которой системы отдельных говоров (частные диалектные системы) выступают как ее различные варианты³. В этой системе есть постоянные элементы, общие для всех частных диалектных систем (ЧДС) и подвижные, по которым одни ЧДС отличаются от других. Подвижные элементы образуют соотносительные ряды — междиалектные соответствия (или соответственные явления)⁴.

Междиалектное соответствие представляет собой ряд функционально тождественных элементов (или систем элементов), члены которого замещают друг друга в различных ЧДС и исключают друг друга в одной и той же ЧДС, например: аканье и оканье, различие форм дательного и творительного падежей имен во множественном числе (к своим семьям — со своими семьями) и их совпадение (к своим семьям — со своим семьям), разнодиалектные названия одного и того же предмета (например: ухват, рогач, емо́к или емки́) и т.п.⁵

Понятие соотносительного ряда элементов отдельных ЧДС как единицы системы высшего ранга по отношению к ЧДС (диалектного языка) было разработано Р.И.Аванесовым в процессе изучения фонологических систем русских говоров [Аванесов 1947а], и оно несет на себе печать "фонологического мышления" автора. Так, междиалектное соответствие подобно фонеме в "московском" понимании представляет собой функциональную, а не материальную единицу. И там и здесь функциональные единицы реализуются аллоединицами, каждая из которых выступает в определенной позиции, причем для междиалектных соответствий роль позиций играют ЧДС. Подобно модификациям фонемы (аллофонам) члены междиалектного соответствия замещают друг друга в разных позициях (ЧДС) и исключают друг друга в одной и той

же позиции. Таковы черты изоморфизма основных понятий МДШ и МФШ.

Но насколько закономерно распространять на ЧДС понятие позиций? Не является ли такое словоупотребление всего лишь метафорой? С.В.Бромлей обосновывает подход к ЧДС как к позициям диалектного варьирования ("междиалектной парадигматики") тем, что "всякое диалектное варьирование того или иного элемента языка определяется разным комплексом его структурных связей, меняющихся от системы к системе" [Бромлей 1979, II4].

Конечно, ЧДС как позиции, определяющие реализацию какого-либо междиалектного соответствия ("междиалектной парадигмы") в том или ином его члене, и позиции, определяющие реализацию фонемы в том или ином аллофоне в отдельной языковой системе, имеют существенные различия. Зависимость членов междиалектного соответствия от характера тех ЧДС, где они представлены, более сложна, многомерна, чем позиционная обусловленность аллофонов в одной фонетической системе. Сама обязательность связи между реализацией междиалектного соответствия в том или ином члене и другими признаками данной ЧДС, будучи далеко не одинаковой для разных языковых явлений (например, значительно более жесткой для типов яканья, чем для названий какой-либо реалии), в целом имеет, по-видимому, менее жесткий характер, чем при позиционном варьировании внутри отдельной языковой системы.

Таким образом, термин "позиция" по отношению к ЧДС означает менее определенное понятие, чем в терминологии МФШ. Может быть, поэтому сам Р.И.Аванесов не проводил параллели между этими понятиями и не пользовался термином "позиция" по отношению к ЧДС, избегая, как и во многих других случаях (см. примечание 2), расширительного использования терминов, когда это приводит к потере ими первоначальной определенности.

Однако расширительное употребление фонологической терминологии в данном случае имеет и свою положительную сторону. Отражая общие черты, которые есть у внутрисистемного позиционного варьирования языковых единиц и их междиалектного варьирования (при всем различии этих явлений), фонологическая терминология помогает по-новому взглянуть на объект описательной диалектологии и выдвинуть перед ней новые задачи. Подобно

тому, как для каждого языка существуют свои законы позиционного чередования звуков, представляющих те или иные фонемы (зависимость чередований в тех или иных группах фонем от определенного характера позиций), каждый язык имеет и свои законы диалектного варьирования различных элементов его системы (также со своеобразием не только того, что и по каким признакам варьируется, но и с различным значением для этого варьирования того или иного контекста ЧДС). С.В.Бромлей выдвигает как одну из задач описательной диалектологии формулировку законов диалектного варьирования языка, чему должно предшествовать изучение диалектных вариантов тех или иных элементов языка в контексте соответствующих ЧДС [Бромлей 1979, II4-II5].

Как уже говорилось выше, связь МДШ с МФШ сказывается не только в определенных чертах общей концепции диалектного языка, но и более непосредственно, поскольку московские диалектологи подходят к изучению звуковой стороны языка с позиций московской фонологической теории, и этим определяется очень многое в самой проблематике, методах и приемах исследований, причем не только в фонетике, но и в других областях изучения диалектного языка (в той мере, в какой эти исследования касаются звукового воплощения тех или иных языковых единиц). В основном это относится к морфологии.

Укажу на некоторые характерные для МДШ проблемы и методы исследований, связанные с идеями и понятиями МФШ.

Поскольку понятие междиалектного соответствия требует четкого определения места того или иного диалектного явления в каждой ЧДС и в диалектном языке в целом, вопросам разграничения уровней языковой системы и, в то же время, их взаимодействию МДШ уделяет большое внимание (главным образом в фонетических и морфологических работах).

Особая актуальность этих проблем для диалектологических исследований заключается в том, что внешне одинаковые явления в одних ЧДС относятся к фонетической, а в других к морфологической системе (или к единицам разного ранга в пределах одной из этих систем). Подобные же отношения могут возникнуть и на разных этапах изменения одной и той же диалектной системы. Распутывание таких, подчас очень сложных, отно-

шений является предметом многих работ МЛШ [Аванесов 1974б, Орлова 1950, Бромлей 1977]. Эта проблема решается представителями МЛШ с опорой на московскую фонологическую теорию, так как только в рамках этой теории разработаны фонологические единицы, позволяющие снять в описании фонемного состава морфов все те модификации, которые определяются позиционным чередованием звуков.

При определении фонемного состава безударных окончаний (если безударная гласная находится в слабой позиции) может возникнуть затруднение, так как здесь не всегда возможна проверка сильной позицией, даже когда соответствующее ударное окончание имеется. Такая проверка в языке флективного типа, каким является русский, правомерна только в пределах одного и того же словоизменительного типа, а слова с ударными и безударными окончаниями, одинаковые во всех других отношениях, могут принадлежать и к разным словоизменительным типам (например, пирогами и оврагами; сухой и тихий; гудят и хочут). Иначе говоря, при определении фонемной принадлежности безударной гласной в составе аффикса следует иметь в виду, что ударность и безударность являются для многих говоров "разными морфологическими позициями" [Бромлей 1973, 162]. Отсюда поиски специальных приемов для определения состава безударных окончаний в спорных случаях [Булатова 1984].

Окончания, в которых имеются фонемы в слабой позиции, привлекают внимание московских диалектологов и тем, что эти окончания наиболее подвержены действию различных морфологических тенденций, вызывающих изменения их фонемного состава [Булатова 1981].

Специфическое для МЛШ понятие гиперфонемы (т.е. фонемы в слабом положении, для которой отсутствует сильное положение в пределах того же морфа) оказалось очень плодотворным для диалектологии, как описательной, так и исторической. Будучи представителем всех нейтрализованных в данной позиции фонем, гиперфонема должна бывает "определиваться", когда происходят исторические изменения, затрагивающие одну из нейтрализованных в этой позиции фонем. При этом результат может быть разный: совпадение с судьбой той фонемы, к которой она принадлежала этимологически, или отпадение ее от этой фонемы

и переход к другой фонеме [Касаткин 1985, 4]. Эти свойства гиперфонемы важно учитывать не только в исторической, но и в описательной диалектологии, поскольку в разных ЧДС могут быть представлены разные результаты исторических изменений [Захаров, 1970, Высотский 1975, 14-15].

Интерес представителей МФШ к практическому применению фонологической теории в какой-то мере оказал влияние и на московских диалектологов. Были предложены лингвистические основы разработки методики преподавания орфографии в условиях диалектной среды, учитывающие фонемный принцип русской орфографии [Булатова, Касаткин, Строганова 1975]. К сожалению, из-за отсутствия связей с учителями сельских школ и методистами эта проблематика не получила дальнейшего развития.

Наряду с проблемами и методами, которые тесно связывают МФШ с МФШ, у нее есть и ряд своих проблем и методов, вытекающих из задач лингвистического картографирования, интерпретации изоглосс, обработки и оценки диалектологических материалов [Захарова, Орлова 1970; Пшеничникова 1983; Пшеничникова 1987]. Многие из этих методов нейтральны по отношению к идеям и понятиям МФШ и могут использоваться как в работах, написанных с позиций МФШ, так и в других.

Таким образом, если говорить о московской лингвистической школе (МЛШ) как о школе, опирающейся на московскую теорию фонем, но не замкнутой в рамках одной фонологии, то МЛШ правильнее, вероятно, считать не частью этой школы, а самостоятельной школой, но тесно связанной и, если так можно сказать, пересекающейся с МЛШ.

Примечания

1. О специфике МФШ писали и ее представители [Панов 1967, 402-410; Реформатский 1970; Сидоров 1971, 13-19] и другие [Протогенов 1970, 23-41].

2. Очень интересно писал об этом М.В.Панов. Он показал, что Р.И.Аванесов неоднократно применял такие диагностические приемы, которые по существу являются переносом приема определения фонемы в позиции нейтрализации на другие объекты (из области синтаксиса, словообразования, акцентологии).

При этом Р.И.Аванесов никогда в таких случаях не употреблял терминов "позиция", "нейтрализация", чему М.В.Панов дал очень верное, по-моему, объяснение: расширенное употребление этих терминов лишило бы их той определенности, которой они обладают в рамках фонологической теории, чего Р.И.Аванесов допустить не мог [Панов 1972, 19-20].

3. Понятие диалектного языка подробно раскрывается во многих работах Р.И.Аванесова [Вопросы... 1962, Русская диалектология 1964, Аванесов 1965].

4. Р.И.Аванесов, предложивший это понятие, назвал его соответственным явлением [Аванесов 1947а, 215]. Термин "междиалектное соответствие" был введен позже Бромлей и мною [Вопросы... 1962, 13], потому что он, по нашему мнению, более подходит к названию ряда и позволяет избежать такого неестественного словосочетания как "член соответственного явления".

5. Это не значит, что разные члены междиалектного соответствия не могут встретиться в одном говоре, если там сталкиваются разные системы (в результате влияния на говор литературного языка, другого говора или в результате его спонтанного изменения).

Библиография

- Аванесов 1947а - Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1947, № 3.
- Аванесов 1947б - Аванесов Р.И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. 1947, вып.2.
- Аванесов 1965 - Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965.
- Аванесов 1974 - Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Бромлей 1973 - Бромлей С.В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

- Бромлей 1977 - Бромлей С.В. Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Бромлей 1979 - Бромлей С.В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка (к постановке вопроса) // Изв. ОЛЯ АН СССР, 1979, № 2.
- Булатова 1981 - Булатова Л.Н. Взаимоотношение окончаний однокоренных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Булатова 1984 - Булатова Л.Н. О специфике определения фонемной принадлежности безударных гласных в составе окончаний (на материале русских говоров) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1981. М., 1984.
- Булатова, Касаткин, Строганова 1975 - Булатова Л.Н., Касаткин Л.Л., Строганова Т.Ю. О русских народных говорах. М., 1975.
- Вопросы... 1962 - Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1962.
- Высотский 1975 - Высотский С.С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Захарова 1970 - Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Захарова, Орлова 1970 - Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Касаткин 1985 - Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1985.
- Орлова 1950 - Орлова В.Г. Губные спиранты в русском языке // Труды Ин-та рус. языка АН СССР. М., 1950.-Т.2.
- Панов 1967 - Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1972 - Панов М.В. Р.И.Аванесов-фонолог // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р.И.Аванесова. М., 1972.
- Протогенов 1980 - Протогенов С.В. История учения о фонеме. Ташкент, 1970.

- Пшеничнива 1983 - Пшеничнива Н.Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений) // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.
- Пшеничнива 1987 - Пшеничнива Н.Н. О классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты. М., 1987.
- Реформатский 1970 - Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Русская диалектология 1964 - Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.
- Сидоров 1971 - Сидоров В.Н. О московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.